

Litera

Правильная ссылка на статью:

Савина Е.С. — Юридические метафоры и образные сравнения как стилистический способ характеристики общества Германтов в романе М. Пруста // Litera. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.38408 EDN: NMFWUQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38408

Юридические метафоры и образные сравнения как стилистический способ характеристики общества Германтов в романе М. Пруста

Савина Елена Сергеевна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра иностранных языков, МГУ имени М. В. Ломоносова, юридический факультет

119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ленинские Горы, 1, строение 13 (4-й учебный корпус), ауд. 503 А

✉ savinaelena2006@yandex.ru[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.6.38408

EDN:

NMFWUQ

Дата направления статьи в редакцию:

08-07-2022

Аннотация: В статье рассматриваются юридические метафоры и образные сравнения, которые позволяют представить мир французской аристократии периода Третьей республики в романе М. Пруста. Выявляются термины конституционного, административного, международного публичного и гражданского права, а также банковского права как части предпринимательского. В работе изучается образное осмысление Марселем высшего общества через юридические понятия. Предметом исследования являются конкретные юридические термины текста. Цель данной работы заключается в анализе пластов художественного произведения, позволяющих представить особенности мира французских аристократов в республиканском окружении. В статье используются методы семантического, лингвистического анализа и лингвистического комментирования. Показано, что неприятие аристократами Республики выражается в том числе и посредством неприятия ими новой правовой системы, и через ироническое отношение к ее институтам. Напротив, благоговейное отношение к культурному пласту безвозвратно ушедшего периода абсолютной монархии является одной из отличительных характеристик Германтов, людей близкого им социального круга

и даже их слуг. Юридические термины, противопоставляющие две данные эпохи, вводят также сложную и многозначную, важную для текстов М. Пруста в целом, антитезу между тем, что есть, и тем, что кажется. Недоверие аристократов периода Третьей республики к новой правовой действительности оказывается одной из отличительных черт, позволяющих им сохранить свою клановость, несмотря на видимую демократичность в выборе круга общения и открытость к изменениям.

Ключевые слова:

У Германтов, образные сравнения, стилистические фигуры, стилистические приемы, лексика публичного права, юридическая лексика, юридические метафоры, юридическая терминология, юридические термины, язык Пруста

Лексику того или иного языка традиционно разделяют на специальную и общеупотребительную; при этом «к специальной лексике относятся лексические единицы языка, выполняющие функцию обозначения понятий, которые связаны с той или иной профессиональной сферой» [\[4, с. 28\]](#). Тем не менее поскольку для правовой деятельности в целом характерна тесная связь с повседневной жизнью, «лексика права ... в значительной степени связана с обывденными понятиями» [Там же]. В связи с этим О. А. Безуглова и А. А. Кузнецова отмечают необходимость в наше время для выпускников языковых вузов в совершенстве владеть «не только общеупотребительной, но и деловой, а также юридической лексикой» [\[1, с. 177\]](#).

Как пишет Э.-М. Альба, начиная со Средних веков, во французской художественной литературе часто изображаются судебные процессы и широко представлены различные соображения по поводу права, поскольку многие писатели получали в то время юридическое образование [\[12, с. 48\]](#). Исследовательница рассматривает общую лексику, связанную с философией права и с судебным процессом, в баснях Лафонтена, которая играет важную роль в творчестве автора, поскольку он работал адвокатом [Там же, с. 48-49]. Й. Шаувекер показывает на примере французской средневековой художественной литературы, что понятия феодального права были хорошо знакомы французам задолго до их появления в старофранцузском языке [\[19\]](#).

На большой интерес, который язык права вызывает в течение долгого времени, и, в связи с данным фактом, на необходимость более внимательного его изучения в рамках юридической лингвистики указывает Ж. Корню [\[8, с. 1-2\]](#). Исследователь подчеркивает тесную связь права с семиологией, семиотикой, неязыковыми знаками, а языка права – с языком литературных произведений как с точки зрения формы, так и с точки зрения содержания (так, в работе одного из французских ученых, С. Ле Мера, показано, что моралист предстает как цензор и законодатель, а мораль обычно кратка и лаконична, особенно в максимах). По мнению Ж.-М. Трижо, можно создать как литературное произведение, используя юридический дискурс, так и наоборот [Там же, с. 3]. Существуют отдельные работы, посвященные функционированию прежде всего английской юридической терминологии в художественных текстах, но стилистические фигуры, созданные на основе юридической лексики в текстах М. Пруста, автора, чья проза характеризуется большим количеством метафор и сравнений в целом, ранее, насколько нам известно, не исследовались.

При анализе романа «В поисках утраченного времени» традиционно уделяют внимание

биографии писателя, сравнивая ее с образом жизни повествователя, Марселя (см., например, [3], [22]). Различным аспектам проблемы осознанности в текстах М. Пруста посвящено исследование Э. Хьюга [13]. К. Курата выявляет влияние Дж. Элиота на М. Пруста [15]. Однако, как отмечает Т. М. Николаева, интерес к произведению объясняется, прежде всего, именно тем, что М. Пруст «тщательно убрал из книги все тривиальные биографические моменты: службу в армии, хотя и короткую, прекрасное образование в лицее Кондорсе, причины дуэлей...» [6, с. 10], и в связи с этим необходимо изучать именно сам авторский текст, а не различные прототипы, интертекст, влияния.

Мы исследуем с помощью лингвостилистических методов фигуры, в частности сравнения и метафоры, образованные на основе юридических терминов, которые используются при описании Марселем его первого визита к Германтам в третьем томе романа, «У Германтов» («Le Côté de Guermantes»), потому что изучение М. Прустом права на протяжении трех лет в университете не могло не оказать влияния на его художественный мир. В частности, мы отобрали методом сплошной выборки все контексты, относящиеся к первому посещению повествователем салона Германтов, в которых содержатся первоначальные впечатления об их слугах, герцоге и герцогине Германтских и о некоторых из их наиболее знатных гостей, таких, как принц Агригентский и госпожа де Галлардон. Мы не будем останавливаться на различных теоретических проблемах, связанных с определениями и с классификациями фигур (см., например, [10], [14], [16], [21]), с особенностями их функционирования в речи [11], а проанализируем конкретный языковой материал, обратившись к методам лексикологии и семантики.

К французским юридическим терминам в широком понимании, вслед за Ж. Корню, мы будем относить все слова французского языка, которые имеют одно или несколько значений в праве, то есть не только «исключительно юридические термины», но и, в целом, все слова, которые используются в праве в особом значении [5, с. 14]. О том, что специальная терминология является органичной частью общелексической системы языка, о стирании граней как между общелитературным языком и отдельно взятой специальной терминологией, так и между различными терминологиями, а также о полисемии, которая является одной из важнейших характеристик юридической лексики, пишет и Е. Н. Юдина [7]. В этой связи в нашем материале возможно выявить термины, относящиеся к отраслям права, связанным с устройством государства и с управлением им (конституционное, административное и международное публичное право), к гражданскому праву, а также мы отдельно рассмотрим контекст, относящийся к банковскому праву, поскольку оно является частью предпринимательского права.

Термины конституционного, административного и международного публичного права представлены такими лексическими единицами, как *un/le ministre espagnol* «посланник Испании», *les ministres bourgeois de la cour de Louis XIV* «министры выходцы из буржуазии при дворе Людовика XIV», *un fonctionnaire* «чиновник, должностное лицо», *l'Administration française* «государственные ведомства, правительственные учреждения Франции», *démocratique* «демократический», *le pouvoir politique* «политическая власть», *l'État* «государство», *l'armée* «армия», *la souveraine d'un État* «государыня», *un président de la République* «президент», *l'impétrante* «лицо, получившее удовлетворение своей просьбы», *édit* «указ», *Chambre* «палата парламента».

Un/le ministre espagnol, les ministres bourgeois de la cour de Louis XIV

В Юридическом словаре Ж. Корню существительное *ministre* определяется как «*membre du gouvernement, en général placé en même temps à la tête d'un ensemble de services de l'administration (sauf pour les ministres sans portefeuille)*» [9, с. 659]. Однако в следующем ниже контексте данная лексема, по всей видимости, используется в значении «посланник» («*agent diplomatique de rang immédiatement inférieur à celui d'ambassadeur et chargé de représenter son gouvernement à l'étranger*» [17, с. 1412]. М. Пруст употребляет выражение *ministre espagnol*, вероятно, для указания на достоинство и подчеркнутую почтительность слуги Германтов, который ожидает, пока Марсель посмотрит все интересующие его картины, хотя начало ужина из-за этого задерживается:

<...> J'eus peur qu'on m'eût oublié, qu'on fût à table et j'allai rapidement vers le salon. *À la porte du cabinet des Elstir je trouvais un domestique qui attendait, vieux ou poudré, je ne sais, l'air d'un ministre espagnol, mais me témoignant du même respect qu'il eût mis aux pieds d'un roi.* Je sentis à son air qu'il m'eût attendu une heure encore, et je pensai avec effroi au retard que j'avais apporté au dîner, alors surtout que j'avais promis d'être à onze heures chez M. de Charlus [18, с. 409].

В рассматриваемом отрывке данное сравнение позволяет образно сопоставить следование неписаным правилам вежливости слугой, несмотря на их нарушение Марселем, с неукоснительным соблюдением дипломатического протокола.

В следующем абзаце М. Пруст прибегает к анафоре, используя то же выражение в сочетании с определенным артиклем *le*, которое тем не менее указывает именно на слугу Германтов, а не на посланника Испании:

Le ministre espagnol (non sans que je rencontrasse, en route, le valet de pied persécuté par le concierge, et qui, rayonnant de bonheur quand je lui demandai des nouvelles de sa fiancée, me dit que justement demain était le jour de sortie d'elle et de lui, qu'il pourrait passer toute la journée avec elle, et célébra la bonté de Madame la duchesse) me conduisit au salon où je craignais de trouver M. de Guermantes de mauvaise humeur. Il m'accueillit, au contraire, avec une joie évidemment en partie factice et dictée par la politesse, mais par ailleurs sincère, inspirée et par son estomac qu'un tel retard avait affamé, et par la conscience d'une impatience pareille chez tous ses invités lesquels remplissaient complètement le salon. Je sus, en effet, plus tard, qu'on m'avait attendu près de trois quarts d'heure. <...> [18, с. 409-410].

Подобная семантическая двусмысленность, появившаяся в результате парадигматической неоднозначности (поскольку в данном контексте фактически выступают в качестве синонимов такие выражения, как *le ministre espagnol* и *le domestique de s Guermantes*, и понять, что первому означающему соответствует означаемое второго, невозможно без знания предшествующего контекста) создает определенный комический эффект, поскольку слуга ведет себя столь же вежливо, невозмутимо и достойно, как и высокопоставленный сотрудник дипломатического корпуса. Такой подчеркнутой надменности противостоит демократичность Марселя, поскольку он еще задерживается по пути в гостиную, чтобы спросить у встреченного ими в коридоре лакея, как поживает его невеста. Представленное в скобках отступление от основного сюжета, содержащее подробный ответ лакея и отсылку с пояснениями к их утренней встрече с мальчиком, словно «растягивает», «замедляет» повествование и позволяет читателю физически прочувствовать как сорокапятиминутное опоздание Марселя на ужин, так и радость, которую испытали изголодавшиеся гости в связи с тем, что еду им наконец-то подадут.

В словаре «Trésor de la langue française» также выделяется значение существительного *ministre* «homme d'État chargé d'administrer les affaires publiques» и, отдельно, внутри него, относящееся к истории дореволюционной Франции, «sous l'Ancien Régime, délégué de l'autorité royale, chargé par le roi du gouvernement du pays» [20]. В романе М. Пруста подчеркнутое почтение герцога Германтского по отношению к Марселю, выходцу из простой буржуазной семьи, описывается посредством сравнения с тем демократическим уважением, которое выказывали представители древних аристократических родов министрам-буржуа при дворе Людовика XIV, очевидно, осознавая тем не менее свое преимущество перед ними по праву рождения:

<...> Les caprices de la conduite, niés par de saintes amies, malgré l'évidence, semblaient, dans le monde des Guermantes, importer beaucoup moins que les relations qu'on avait su conserver. On feignait d'ignorer que le corps d'une maîtresse de maison était manié par qui voulait, pourvu que son «salon» fût demeuré intact. *Comme le duc se gênait fort peu avec ses invités (...), mais beaucoup avec moi dont le genre de supériorité lui étant inconnu lui causait un peu le même genre de respect qu'aux grands seigneurs de la cour de Louis XIV les ministres bourgeois, il considérait évidemment que le fait de ne pas connaître ses convives n'avait aucune importance [...] et, tandis que je me préoccupais [...] de l'effet que je ferais sur eux, il se souciait seulement de celui qu'ils feraient sur moi* [18, с. 410-411].

В рассматриваемом контексте герцог Германтский сравнивается с Людовиком XIV с точки зрения его абсолютизма, прием у него – с желанием монарха контролировать знать при дворе, а приглашение Марселя вызывает в памяти покровительство монарха литературе и искусства. Описание знатных дам как ведущих фривольный образ жизни, на что при этом никто не обращает внимания, если их салон достаточно изысканный, также ассоциируется с литературными салонами, расцвет которых приходится как раз на период правления Людовика XIV, равно как и с его многочисленными фаворитками. «Легкомысленное» поведение светских дам противопоставляется изяществу салонов, и за счет этого сопоставления Марсель словно видит себя при дворе короля.

Démocratique, le pouvoir politique, État, armée, souveraine d'un État, président de la République

В рассматриваемом ниже контексте Марсель высказывает, на первый взгляд, парадоксальную идею о том, что демократизация общества ведет лишь к его большей иерархизации, хотя в этом случае она намного менее очевидна:

<...> *Enfin une société ne serait-elle pas secrètement hiérarchisée au fur et à mesure qu'elle serait en fait plus démocratique? C'est fort possible. Le pouvoir politique des papes a beaucoup grandi depuis qu'ils n'ont plus ni États, ni armée; les cathédrales exerçaient un prestige bien moins grand sur un dévot du XVIIe siècle que sur un athée du XXe, et si la princesse de Parme avait été souveraine d'un État, sans doute eussé-je eu l'idée d'en parler à peu près autant que d'un président de la République, c'est-à-dire pas du tout* [18, с. 441].

В данном отрывке причастие прошедшего времени *hiérarchisé* ассоциативно противоречит представлению о демократическом обществе в его традиционном понимании. Повествователь высказывает идею о том, что для фактического осуществления политической власти не нужны такие, на первый взгляд, обязательные ее атрибуты, как государство или армия, и сравнивает с этой точки зрения политическую власть с религиозной (указывая на то, что величественные готические соборы, в то время когда религия была повсеместно распространена, и в буквальном смысле слова все сферы жизни были ею «пропитаны», не настолько впечатляли верующих, как

атеистов начала XX века, которые, после Революции и, очевидно, после отделения церкви от государства во Франции в 1905 г., смогли отстраниться от религиозной составляющей и в полной мере оценить художественную значимость готической сакральной архитектуры). Скептическое отношение автора к демократическому строю выражается также и за счет упоминания его восхищения представителями древних аристократических родов Франции, которые внутренне осознают принадлежащие им по праву рождения власть, силу и величие (хотя они и не осуществляют власть политическую), поскольку в представлении повествователя даже избранный президент ими не обладает.

Administration, fonctionnaire

Существительное *administration* определяется в словаре «Le Nouveau Petit Robert» как «fonction consistant à assurer l'application des lois et la marche des services publics conformément aux directives gouvernementales; ensemble des services et agents chargés de cette fonction» [17, с. 30], а *fonctionnaire* – как «personne qui remplit une fonction publique; personne qui occupe, en qualité de titulaire, un emploi permanent dans les cadres d'une administration publique» [17, с. 943]. В романе М. Пруста с властью чиновника в органах административной власти, с положением священника, символизирующего всю мощь церкви, а также с силой стихии сравнивается влияние герцога Германтского в обществе:

<...> Ce n'est pas que M. de Guermantes ne fût par certains côtés fort ordinaire et n'eût même des ridicules d'homme trop riche, l'orgueil d'un parvenu qu'il n'était pas. Mais de même qu'un fonctionnaire ou qu'un prêtre voient leur médiocre talent multiplié à l'infini (comme une vague par toute la mer qui se presse derrière elle) par ces forces auxquelles ils s'appuient, l'Administration française et l'Église catholique, de même M. de Guermantes était porté par cette autre force, la politesse aristocratique la plus vraie. Cette politesse exclut bien des gens <...> [18, с. 421-422].

В рассматриваемом отрывке видимая «заурядность» герцога Германтского подчеркивается посредством такой лексики, как *ordinaire, des ridicules, un parvenu, médiocre* в сочетании с наречиями, указывающими на высшую степень того или иного признака *fort, trop, à l'infini*. Она противопоставляется незаметной, но тем не менее врожденной аристократической вежливости и даже некоторому снобизму. Марсель описывает данную ситуацию с помощью ее сравнения с другими ситуациями из сферы административного права, церковной жизни и природной стихии, когда посредственный чиновник, священник или волна символизируют собой все могущество представляемых ими институтов (отрицательное отношение к которым очевидно благодаря выражению *médiocre talent multiplié à l'infini* и ироническому написанию с заглавной буквы) и мощь моря соответственно.

Impétrant(e)

Существительное *impétrant* определяется в Юридическом словаре Ж. Корню как «celui qui a obtenu, sur sa candidature ou sa demande, un diplôme (autrefois un privilège ou un titre), plus généralement un avantage» [9, с. 524]. В романе М. Пруста с просительницами привилегий от административной или государственной власти сравниваются знатные дамы, пришедшие после ужина с друзьями в другом месте, на светский прием принцессы Пармской (в противопоставлении завсегда́таям), которым приходится ожидать, пока она закончит раскладывать пасьянс за столиком, чтобы поприветствовать их, и позволит им,

в свою очередь, поприветствовать ее, встав перед ней на колени:

Une fois l'impétrante relevée et embrassée par la princesse, celle-ci se rasseyait, se remettait à sa patience, non sans avoir, si la nouvelle venue était d'importance, causé un moment avec elle en la faisant asseoir sur un fauteuil.

Quand le salon devenait trop plein, la dame d'honneur chargée du service d'ordre donnait de l'espace en guidant des habitués dans un immense hall sur lequel donnait le salon et qui était rempli de portraits, de curiosités relatives à la maison de Bourbon. Les convives habituels de la princesse jouaient alors volontiers le rôle de cicerone et disaient des choses intéressantes, que n'avaient pas la patience d'écouter les jeunes gens, plus attentifs à regarder les Altesses vivantes [...] qu'à considérer les reliques des souveraines mortes <...> [\[18, c. 441\]](#).

В данном отрывке развиваются идеи, намеченные в предыдущих контекстах: Германты, не обладая реальной политической властью, тем не менее оказывают на окружающих неочевидное, но значительное влияние древнего аристократического рода, чем и объясняется сравнение пришедшей на светский прием гостыи с униженной просительницей. Данная мысль выражается также и за счет указания на то, что обширная портретная галерея династии Бурбонов (которая ассоциируется с расцветом абсолютной монархии во Франции) и диковинки той эпохи меньше интересуют молодых посетителей салонов, чем наблюдение за «живыми» представителями аристократических династий, не утратившими власти и в период Республики.

Édit

Существительное *édit* определяется в словаре «Petit Robert» как «sous l'Ancien Régime, disposition législative statuant sur une matière spéciale (alors que l'ordonnance avait un caractère général)» [\[17, c. 718\]](#). В романе М. Пруста попытки повествователя понять, на основе чего герцогиня Германтская выносит свои оценочные суждения о различных людях и событиях светской жизни, образно представлены как анализ описаний политической жизни и хроник парламентских слушаний в газетах:

<...> Mais ce plaisir de la duchesse, ce fut moins à l'aide de la critique littéraire que d'après la vie politique et la chronique parlementaire, que j'essayai de comprendre quel il pouvait être. Les édits successifs et contradictoires par lesquels Mme de Guermantes renversait sans cesse l'ordre des valeurs chez les personnes de son milieu ne suffisant plus à la distraire, elle cherchait aussi, dans la manière dont elle dirigeait sa propre conduite sociale, dont elle rendait compte de ses moindres décisions mondaines, à goûter ces émotions artificielles, à obéir à ces devoirs factices qui stimulent la sensibilité des assemblées et s'imposent à l'esprit des politiciens <...> [\[18, c. 458\]](#).

В рассматриваемом контексте за счет употребления существительного *édit* актуализируется, прежде всего, тот факт, что речь идет именно об указе короля (хотя описываемые в романе события и относятся к периоду Третьей республики), который регулирует отдельный вопрос и, следовательно, затрагивает либо определенную группу лиц, либо конкретную провинцию. Оценочные суждения герцогини Германтской сравниваются со сменяющимися друг друга противоречивыми королевскими указами. Прилагательные *factice* и *artificiel* указывают на то, что она постоянно подстраивала свое поведение в обществе под собственные противоречивые суждения ради развлечения. За счет использования данных лексем ее желание развлечься таким образом сравнивается с определенным популизмом докладчиков в парламенте и

политиков. Ироничный тон данного отрывка задается благодаря контрасту между поведением абсолютного монарха в республиканском окружении.

Chambre

Далее подобное произвольное определение тенденций светской жизни герцогиней Германтской сравнивается с описанием в прессе симуляции бурной политической деятельности при выступлении министра в парламенте:

<...> On sait que quand un ministre explique à la Chambre qu'il a cru bien faire en suivant une ligne de conduite qui semble en effet toute simple à l'homme de bon sens qui le lendemain dans son journal lit le compte rendu de la séance, ce lecteur de bon sens se sent pourtant remué tout d'un coup, et commence à douter d'avoir eu raison d'approuver le ministre, en voyant que le discours de celui-ci a été écouté au milieu d'une vive agitation et ponctué par des expressions de blâme telles que: «C'est très grave», prononcées par un député dont le nom et les titres sont si longs et suivis de mouvements si accentués que, dans l'interruption tout entière, les mots «C'est très grave!» tiennent moins de place qu'un hémistiche dans un alexandrin <...> [18, с. 458].

В рассматриваемом контексте влияние на умы герцогини Германтской сопоставляется с влиянием прессы на читателей при представлении политической повестки. Первоначальное одобрение читателем разумной позиции министра представлено такой лексикой, относящейся к семантическому полю рациональности, как «il a cru bien faire», «semble en effet toute simple», «l'homme de bon sens», «ce lecteur de bon sens». Последующее же мгновенное изменение его мнения под влиянием отчета в прессе представлено, напротив, лексикой, указывающей на чувства: «se sent remué», «commence à douter d'avoir eu raison d'approuver le ministre», «une vive agitation», «des expressions de blâme», а также за счет повтора ничего не значащего в данном контексте выражения «c'est très grave». Сравнение длины данного высказывания с полустихом александрийского стиха, который ассоциируется, прежде всего, со средневековым эпосом и с литературой эпохи классицизма, привносит ироничную нотку в это описание, поскольку разумное мнение здравомыслящего читателя меняется, в том числе, и за счет трехсложного выражения. Все эти приемы указывают и на произвол оценки герцогини.

Ниже та же мысль иллюстрируется с помощью конкретного примера, когда многочисленные дворянские титулы герцога Германтского, указывающие на его принадлежность к древнему аристократическому роду, иронически противопоставляются трем бессмысленным кратким произнесенным им словам на заседании Национального собрания:

<...> Par exemple autrefois, quand M. de Guermantes, prince des Laumes, siégeait à la Chambre, on lisait quelquefois dans les journaux de Paris, bien que ce fût surtout destiné à la circonscription de Méséglise et afin de montrer aux lecteurs qu'ils n'avaient pas porté leurs votes sur un mandat inactif ou muet:

«Monsieur de Guermantes-Bouillon, prince des Laumes: «Ceci est grave!» (Très bien! Très bien! au centre et sur quelques bancs à droite, vives exclamations à l'extrême gauche.)» [18, с. 458].

Иронический эффект здесь создается также и за счет указания на тот факт, что описание данного незначительного события, по сути, предназначено для избирателей конкретного провинциального округа, но публикуется в столичных газетах, что должно придать ему в их глазах особую важность. Описанная бурная реакция депутатов на выступление

герцога Германтского также непропорциональна его значимости.

Наконец, последнее, в результате чего благоразумный читатель подвергает сомнению казавшуюся ему ранее разумной меру — это еще менее содержательная фраза герцога Германтского, в которой содержатся такие «пустые» выражения, как *ce n'est pas trop dire, j'en suppose*, но в которой присутствуют тем не менее лексические единицы, указывающие на сильные эмоции (*l'étonnement, la stupeur*), а также выражения, передающие еще более «чрезмерную» реакцию на них (*tonnerre d'applaudissements, s'empressement, le signe affirmatif de la tête de M. le sous-secrétaire d'État aux Postes et Télégraphes*):

«L'étonnement, la stupeur, ce n'est pas trop dire (*vive sensation dans la partie droite de l'hémicycle*), que m'ont causés les paroles de celui qui est encore, je suppose, membre du gouvernement...» (*Tonnerre d'applaudissements; quelques députés s'empressent vers le banc des ministres; M. le sous-secrétaire d'État aux Postes et Télégraphes fait de sa place avec la tête un signe affirmatif.*)» [18, с. 458-459].

Таким образом, за счет данной развернутой метафоры, М. Пруст показывает, что произвольные суждения герцогини Германтской о тех или иных людях основывались, во-первых, на авторитете ее аристократических титулов, и, во-вторых, на том, что, вынося их, она воздействовала прежде всего на эмоции собеседника, но в действительности они были столь же пусты, бессмысленны и бессодержательны, как и лишённые какой бы то ни было конкретики речи ее супруга на заседаниях в парламенте.

Лексика, относящаяся к гражданскому праву, представлена термином *état civil* «гражданское состояние».

État civil

Выражение *état civil* определяется в словаре Trésor de la langue française как «ensemble des éléments constatant officiellement l'état d'une personne par rapport à la société» [20]. В романе М. Пруста к присутствующим на приеме у Германтов двух никому не известных иностранок более знатные гости презрительно относятся как к людям, сведения о которых не внесены ни в какие государственные акты гражданского состояния:

<...> Du moins il vous le dit; et s'il vous le dit, soyez sûr que c'est qu'il y trouve son intérêt», avait répondu Mme de Gallardon. *Bien plus, comme on disait de deux étrangères très élégantes que les Guermantes recevaient, qu'on avait fait passer d'abord celle-ci puisqu'elle était l'aînée: «Mais est-elle même l'aînée?» avait demandé Mme de Gallardon, non pas positivement comme si ce genre de personnes n'avaient pas d'âge, mais comme si vraisemblablement dénuées d'état civil et religieux, de traditions certaines, elles fussent plus ou moins jeunes comme les petites chattes d'une même corbeille entre lesquelles un vétérinaire seul pourrait se reconnaître.* Les Courvoisier [...] maintenaient [...] l'intégrité de la noblesse [...] grâce à l'étroitesse de leur esprit et à la méchanceté de leur cœur <...> [18, с. 428].

В рассматриваемом контексте недоверчивость и осторожность аристократической семьи Курвуазье описывается посредством изображения их восприятия двух девушек как не имеющих «официально» ни гражданской, ни религиозной, ни возрастной, ни культурной идентичности. Нежелание госпожи де Галлардон ближе познакомиться с ними сравнивается также с нежеланием неспециалиста отличать друг от друга котят из одного помёта, что подчеркивает ограниченность ее мировоззрения, высокомерие и снобизм.

Тем не менее автор обращает внимание, что именно такой подход Курвуазье и позволял оградить от внешнего воздействия аристократические династии, в отличие от манер намного более «демократичных» Германтов.

Лексика международного коммерческого и банковского права представлена такими терминами, как *banquier* «банкир» и *mine* «рудник, копи, шахта».

Banquier, mine

Существительное *banquier* определяется в Юридическом словаре Ж. Корню как «personne qui exerce l'activité bancaire» [9, с. 122], а *mine* – как «gîte de substances minérales ou fossiles, renfermées dans le sein de la terre ou existant à la surface lorsque ces substances sont de celles énumérées à l'article 2 du Code minier» [9, с. 658]. В романе М. Пруста данные термины используются в следующем контексте:

<...> De sorte qu'il se trouvait à la fois le seul homme au monde qui fût prince d'Agrigente et peut-être l'homme au monde qui l'était le moins. *D'ailleurs fort heureux de l'être, mais comme un banquier est heureux d'avoir de nombreuses actions d'une mine, sans se soucier si cette mine répond aux jolis noms de mine Ivanhoé et de mine Primerose, ou si elle s'appelle simplement la mine Premier.* Cependant, tandis que s'achevaient les présentations si longues à raconter [...] et que Mme de Guermantes [...] me disait: « Je suis sûre que Basin vous fatigue à vous mener ainsi de l'une à l'autre, [...] nous voulons surtout ne pas vous fatiguer pour que vous reveniez souvent », le duc, d'un mouvement assez gauche et timoré, donna [...] le signe qu'on pouvait servir [18, с. 419-420].

В рассматриваемом отрывке Марсель образно описывает свое очарование на приеме у Германтов именем принца Агригентского, поэтическому звучанию которого не соответствует облик реального человека. Принц Агригентский, по мнению юноши, хоть и гордится своей фамилией, не осознает в полной мере ее красоты, и данная ситуация сравнивается с положением банкира, который, имея акции горнодобывающих компаний, беспокоится лишь о прибыли, не замечая, что некоторые носят поэтические названия, Айвенго и Примроз, отсылающие к историческому роману В. Скотта и к пьесе [18, с. 715]. Таким образом, светский авторитет обладателя древней фамилии сравнивается с получением прибыли от природных богатств.

Итак, особенности восприятия Марселем аристократического общества на светских приемах у герцогов Германтских, которые изображаются посредством терминов публичного и отдельных отраслей частного права, позволяют выявить три основные тенденции. Представители древних аристократических родов ассоциируются у юноши, прежде всего, с королями в период абсолютной монархии (так, принцесса Пармская вызывает в его представлении династию Бурбонов, прием у герцога и герцогини Германтских – двор Людовика XIV, его многочисленных фавориток, а также литературные салоны той эпохи; их слуга сравнивается с министром-буржуа при его дворе, а светские суждения герцогини Германтской обозначаются термином *édit*).

Использование юридических терминов также вводит еще одну столь важную для М. Пруста тему, как противопоставление того, что есть на самом деле, тому, что кажется: так, значительное влияние в свете принцессы Пармской и герцога Германтского лишь усилилось после того, как представители древних аристократических родов были лишены политической власти вследствие французской революции. Принц Агригентский продолжает очаровывать выходцев из буржуазии, к которым относится и Марсель, величественным звучанием своей фамилии, несмотря на то что в его облике нет ничего

аристократического. Данный контраст передается и за счет противопоставления финансовых терминов литературным произведениям.

Ироническое же употребление юридических терминов, относящихся к послереволюционному периоду (*état civil, président de la République, assemblées, la Chambre du Parlement*) в контексте светских приемов периода Третьей республики указывает на искусственность и фальшивость аристократии того периода: произвол суждений госпожи Германтской сравнивается с яростной эмоциональной критикой министра в Парламенте, несмотря на разумность предлагаемой им политической линии. Сомнение дам из рода Курвуазье в том, что одна неизвестная им знатная гостья является старше другой, выражает их недоверие государственным службам записей актов гражданского состояния, что подразумевает отрицание ее родословной.

Библиография

1. Безуглова О. А., Кузнецова А. А. Юридическая лексика на занятиях по английскому языку в языковом вузе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2016. № 4 (58). В 3 ч. Ч. 1. С. 177-179.
2. Гак В. Г., Ганшина К. А. Новый французско-русский словарь. М: Русский язык, 2002. – 1195 с.
3. Галинская И. Л. Марсель Пруст. Вестник культурологии. 2014. № 3 (70). С. 197-198.
4. Кэюнь Д. Юридическая лексика в судебной речи // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2012. Том 25 (64) № 1. Часть № 2. С. 27-30.
5. Мачковский Г. И. Французско-русский юридический словарь. М: Руссо, 2004. – 437 с.
6. Николаева Т. М. О чем на самом деле написал Марсель Пруст? М.: Языки славянской культуры, 2012. – 128 с.
7. Юдина Е. Н. (2005) Французская юридическая терминология как часть лексической системы современного французского языка: структурно-семантический анализ. Дисс. канд. филологических наук – 133 с.
8. Cornu G. Linguistique juridique. P.: Montchrestien, 2005. – 443 p.
9. Cornu G. Vocabulaire juridique. P.: PUF, 2016. – 1101 p.
10. Fromilhague C. Les figures de style. P.: Armand Colin, 2010. – 148 p.
11. Gardes-Tamine J. Pour une nouvelle théorie des figures. P.: PUF, 2011. – 224 p.
12. Halba E.-M. Le vocabulaire juridique dans les Fables de La Fontaine. Le Fablier. Revue des Amis de Jean de La Fontaine. 2006. № 17. P. 48-54.
13. Hughes E. J. Marcel Proust: A Study in the Quality of Awareness. Cambridge, Cambridge University Press, 1983. – 211 p.
14. Jarrety M. Lexique des termes littéraires. P.: Le Livre de Poche, 2010. - 475 p.
15. Kurata K. George Eliot, Marcel Proust, and the Logic of Desire. The George Eliot Review. 2013. № 44. P. 48-58.
16. Molinié G. Éléments de stylistique française. P.: PUF, 2005. – 213 p.
17. Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire de la langue française. P.: Dictionnaires Le Robert, 1994. – 2467 p.
18. Proust M. Le Côté de Guermantes. P.: Folio, 1988. – 765 p.
19. Schauwecker Y. À propos du lexique juridique en ancien français avant le 13e siècle : la Règle de saint Benoît et le Perceval de Chrétien de Troyes. [Электронный ресурс] URL:

https://www.researchgate.net/publication/307757339_A_propos_du_lexique_juridique_en_ancien_francais_avant_le_13e_siecle_la_Regle_de_saint_Benoit_et_le_Perceval_de_Chretien_de_Troyes (Дата обращения: 06.07.2022).

20. Le Trésor de la langue française [Электронный ресурс] URL: atilf.atilf.fr (Дата обращения: 06.07.2022).

21. Van Gorp H., Delabastita D., Legros G. et al., Dictionnaire des termes littéraires. P.: Honoré Champion, 2005. – 533 p.

22. Watt A. Marcel Proust. London, Reaktion Books, 2013. – 207 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Юридические метафоры и образные сравнения как стилистический способ характеристики общества Германтов в романе М. Пруста», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к языку профессионального общения. Язык юридических документов характеризуется точностью передачи смыслов, а в данном случае рассматривается юридический язык в художественном произведении.

Автор выбрал интересную и мало исследованную тему, а именно реализация стилистического потенциала юридической метафоры в художественном тексте. Работа является существенной как для общей теории стилистики, так вносит вклад практическое изучение французского языка. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Отметим скрупулёзный труд автора по отбору практического материала и его анализу. Однако, автор не приводит информацию насколько обширен языковой корпус, взятый для изучения, каковы критерии отбора текстового материала, к какому временному периоду относится материал, какими методами проводил отбор: сплошной выборкой или специализированными. Автор приводит свою собственную классификацию, иллюстрируя примерами на французском языке.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Однако, недостатком является отсутствие информации о разработанности темы в языкознании, что помогло бы понять авторский вклад в решение заявленного вопроса. Библиография статьи насчитывает 21 источник, среди которых представлены труды как на русском, так и на иностранных языках. Качество библиографического списка вызывает сомнения. Так, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. БОльшее количество ссылок на авторитетные работы, такие как монографии, докторские и/ или кандидатские диссертации по смежным тематикам, которые могли бы усилить теоретическую составляющую работы в русле отечественной научной школы. Кроме того, автор нарушил общепринятые требования ГОСТ, а именно не выдержан алфавитный список, работы на иностранном языке смешаны с работами на русском языке.

Допущены погрешности в оформлении ряда ссылок (не распознаны при загрузке статьи) и технические погрешности при наборе букв с диакритическими знаками (лишние пробелы).

Однако, данные замечания не являются существенными и не относятся к научному содержанию рецензируемой работы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Юридические метафоры и образные сравнения как стилистический способ характеристики общества Германтов в романе М. Пруста» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.